

ФИЦДЖЕРАЛЬД ЛЮБИЛ СВОЮ СУМАСШЕДШУЮ ЖЕНУ ДО САМОЙ СМЕРТИ

В 30-х годах в Америке появилась экстравагантная парочка - живое воплощение американской эмансипации Зельда и модный писатель Скотт Фицджеральд

О них говорили везде: на Пятой авеню в Нью-Йорке, на французской Ривьере и в парижских кафе, где сидели праздные американцы, изо всех сил приобщавшиеся к богеме.

Они стали расхожей темой светских бесед. Помимо погоды на Лазурном берегу, курса французского франка, действий большевиков в России обязательно обсуждалось и количество выпитого вчера в отеле "Ритц" Скоттом, и то, как Зельда весь вечер рисовала на бумажных салфетках пионы.

С 1920 года, после выхода в свет первого романа Фицджеральда "По эту сторону рая", газетчики не спускали с них глаз. Разделы светской хроники стали, по сути, хроникой их семейной жизни: "Сегодня ночью мистер Фицджеральд с супругой предприняли необычную экскурсию по Манхэттену. Поймав такси на углу Бродвея и 42-й улицы, они сели в салон на заднее сиденье. Но уже в районе Пятой авеню им показалось, что так ехать неудобно, и, потребовав у водителя остановиться, они изменили свое положение: мистер Фицджеральд забрался на крышу машины, а миссис Фицджеральд - на ее капот. После чего приказали ехать дальше..." "...Он разделся на спектакле "Скандалы" - остался практически без всего!..." "...Она купалась в фонтане..." "...Он сбился с ног полисьмена в Узбестерхолле..." "... Она бросилась в ресторане с лестницы..."

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ НА ТАНЦАХ ...

Зельда родилась в 1900 году - шестым и последним ребенком в семье. Ее матушка, будучи беременной, читала какой-то роман, в котором царил цыганка Зельда. Так родившаяся девочка стала Зельдой, хотя до нее в Монтгомери никто не подозревал, что так можно называть детей. Отец был тоже слегка удивлен, но спорить не стал. Он так давно жил со своей женой, что научился благо-разумно закрывать глаза на некоторые ее прихоти. Человек рассудительный, степенный и спокойный, он, к тому же, был весьма влиятельным. Шутка ли - судья штата! В 9 лет Зель-

да начала заниматься балетом и делала успехи. А кроме танцев, увлекалась плаванием, модой и мальчишками. Прыгала в воду "ласточкой" с самой высокой вышки. У нее на всю жизнь сохранились легкий акцент южанки и хорошие манеры, свойственные уроженкам американского Юга. И ничего более. Ни застенчивость, ни сдержанность, которыми так славились и так гордились южане, юная Зельда не отличалась. Она окончила колледж и была признана самой красивой выпускницей города. А месяц спустя на вечеринке в клубе познакомилась с молодым человеком, который решительно отличался как от тех мальчишек, которые неуклюже пытались обратить на себя ее внимание, так и от тех дядек, которые сально осматривали ее с головы до ног. Он был необычайно хорош собой, в военной форме, и представился ей, щелкнув каблукми: младший лейтенант 67-го пехотного полка Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Ей было без малого 18, ему - 22. Все лето они не расставались, и Скотт рассказывал ей, что на самом деле он писатель, и, скорее всего, великий, а лейтенантом стал просто от отвращения к учебе в Принстоне. Вести ничем не примечательную жизнь бедного послушного студента Скотт решительным образом не желал. Ему нужно было выделиться во что бы то ни стало. Привлечь к себе внимание. Для этого у Скотта Фицджеральда было в запасе одно средство - сочинительство. Еще в школе, написав как-то детективный рассказ о шефе полицейского участка и поместив его в стенгазете, Скотт на какое-то время стал звездой класса. И понял, что это работает. Теперь в Принстоне Фицджеральд снова взялся за перо. Но необходимый успех не приходил. Он плюнул на все и в 1917 году ушел добровольцем в американскую армию. Скотт был уверен, что его тут же отправят на фронт, а там, конечно, немедленно убьют. И чтобы успеть оставить хоть какой-то след на земле, на всякий случай отправил в издательство рукопись своего романа "Романтический эгоист". Однако рукопись вскоре вернули. Правда, с утешительным пожеланием переделать ее, а не выбросить в корзину.

В конце того памятного лета она сказала, что любит его. Однако до по-молвки было еще далеко. Вмешался папа-судья, которому сообщили, что этот красавчик-лейтенант не дурак выпить. Вмешалась мама, которую, не смотря на всю взбалмошность характера, посетили вполне реалистические мысли: этот красивый юноша - писатель? А что ее девочка будет кушать?.. Сама же Зельда сообщила Скотту, что, несмотря на всю любовь, его все-таки могут отправить на фронт и убить. Что тогда делать помолвленной Зельде?.. Но тут - очень кстати - Первая мировая война закончилась. И родители, скрепя сердце, дали согласие на помолвку - при условии, что свадьба состоится не раньше, чем Скотт, как минимум, устроится на приличную работу. Безумно влюбленный он уехал в Нью-Йорк.

ОДНАЖДЫ ОН ПРОСЛУШАЛСЯ БОГАТЫМ И ЗНАМЕНЫТЫМ

В начале 1920 года на Фицджеральда обрушилось счастье. Его роман, тот самый который ранее отвергли и который он наполнил всей болью и всей любовью, что успел к тому времени пережить, был принят к публикации и вышел 26 марта под названием "По эту сторону рая". На следующий день Фрэнсис Скотт Фицджеральд проснулся не только знаменитым, но и богатым - и через неделю женился на Зельде.

Начинался Век джаза. Мир пришел в движение. Рвущийся на волю технический прогресс уносил из-под ног остатки твердой почвы, а льющееся рекой виски смывало остатки здравого смысла. Нью-Йорк вдруг наполнился девочками, которые пили, курили и до упаду танцевали

чарльстон, и молодыми мужчинами, готовыми с ними этот чарльстон танцевать.

Фицджеральдам не пришлось ничего менять в себе, чтобы вписаться в этот век. Век изменился сам и принял аккуратные, точеные формы Зельды и облик Скотта, который прекрасно одевался, носил элегантные шляпы, что было несвойственно писателям, и не имел распространенной среди литераторов привычки сутулиться. Он стал королем молодой Америки, она - королевой. Они поздно просыпались, затракали сандвичами с оливками, заливая их виски "Булмилл", а к вечеру выходили из дома и шли из одного ресторана в другой, от одних друзей к другим, от одной отыгранной шалости к новой. Именно тогда они прокатились верхом на такси - потому что им так захотелось. Именно тогда она испулась в фонтане - потому что ей стало жарко. Именно тогда он вздумал раздеться в театре. Ими восторгались все... Дочку рожать они уехали к нему домой, в Сен-Пол. Отойдя от анестезии, Зельда сказала Скотту: "Кажется, я

■ Зельда и Скотт в молодости были неразлучны.

Фото "Караван"

пьяна... А что наша малышка? Надеюсь, она прекрасна и глупа..." После чего снова погрузилась в сон. Девочку назвали ласково Скотти. Что до воспитания, то Зельда исповедовала один принцип: "Я не хочу, чтобы она выросла серьезной, и не хочу, чтобы она стала великой. Пусть будет богата и счастлива, вот и все!" И, наняв для Скотти няню, они все вместе вернулись в Нью-Йорк и с новой силой бросились в тот же джаз, подтверждая свою репутацию бесшабашных прожигателей роскошной жизни.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ БЕЗУМСТВА

Вскоре произошло одно событие, о котором они предпочитали не говорить никому, включая самых близких друзей: Зельда влюбилась: он был француз, красавец, летчик... И когда Жозан исчез из ее жизни навсегда, она предприняла попытку самоубийства, наглотавшись снотворного. И это было только начало. Какие-то странности в ее поведении можно было, наверное, заметить и раньше. Она могла устроить истерику из-за пустяка и даже просто так. Зачатки ее безумия давно стали бы ему заметны, не происходи они на столь странном фоне их жизни, где патология являлась чуть ли не нормой.

В августе 25-го о состоянии психики Зельды заговорил весь Париж. Они ужинали, он, как обычно, заказал себе устриц... И вдруг заметил за соседним столиком Айседору Дункан. "Дорогая, - сказал он Зельде, - вы сидит великая танцовщица. Я хочу поприветствовать ее". Она кивнула, но губы ее при этом сжались в прямую линию (потом он научится по этим прямым губам определять начало очередного приступа). Как только он

встал, Зельда тоже вскопчила, направились к лестнице, ведущей на второй этаж, дошла до середины - и бросилась вниз. Все были уверены, что она погибла, сломав себе позвоночник... Но она отделалась единственным ушибом. Чуть позже в Голливуде Зельда заподозрила его в любви к 18-летней девочке, актрисе Луис Моран. И, наплевав на контракт Скотта, Зельда увезла мужа из Голливуда тут же, немедленно! И громко кричала на него в поезде, и зачем-то выбросила в окно платиновые часы с бриллиантами, которые он подарил ей 10 лет назад... Потом она решила, что наскучила Скотту, потому что ничем не занимается и не ведет никаких творческую жизнь. А потом вдруг сказала ему, что их старые друзья хотят всех убить: и ее, и его, и их дочку Скотти... И еще сказала, что не хочет двигаться. Ни ходить, ни шевелить руками, ни даже поднимать брови... Только сидеть и слушать голоса. Какие голоса? Разные... А разве он не слышит голоса? Это же они запрещают ей поднимать брови...

Он продолжал ее любить! Даже безумную, даже с этой нервной экземой, покрывшей ее лицо ужасными струпами, даже выкрикивающую страшные проклятия, полные ненависти... Он ее любил и тогда, когда в его жизни появлялись другие женщины - а они, конечно, появлялись, потому что Скотту не было еще и сорока, он по-прежнему не сутулился и по-прежнему обладал даром нравиться. Одна из таких женщин, Беатрис Дэнэ, была состоятельной и по-настоящему пленительной дамой из Техаса. Она предлагала ему новую жизнь, а он писал ей в ответ, что благодарит за подаренные ему кино и теплый свитер, но не может принять предложенную ему дружбу, потому что есть Зельда, которую с реальностью связывает только он, Скотт. И если он оборвет эту связь, она навсегда рухнет в темную пропасть. И он перестанет считать себя достойным какой бы то ни было жизни, не то что новой, счастливой и сытой. Так что пусть лучше уж у него останется эта, в кото-

зовании Скотти, погрузился в запой, влезал в долги, строчил бесконечные рассказы, которые ненавидел, но вынужден был подписывать своим именем, ибо его имя еще обеспечивало им публикацию... Какое-то время он надеялся, что ее болезнь окончится, пройдет сама собой. Мучительно сомневался - не он ли причина ее сумасшествия?.. Ведь в своих романах Скотт описывал только ее, потому что только ее одну по-настоящему знал, по-настоящему любил, только она одна казалась ему по-настоящему достойной внимания. И при этом бесконечно множил ее личность. Может быть, поэтому, читая про себя в его романах, Зельде было уже трудно понять, где кончается она сама и начинается выдуманная им Николь Дайвер?..

ВЕК ДЖАЗА ПОДОШЕЛ К КОНЦУ

Он продолжал ее любить! Даже безумную, даже с этой нервной экземой, покрывшей ее лицо ужасными струпами, даже выкрикивающую страшные проклятия, полные ненависти... Он ее любил и тогда, когда в его жизни появлялись другие женщины - а они, конечно, появлялись, потому что Скотту не было еще и сорока, он по-прежнему не сутулился и по-прежнему обладал даром нравиться. Одна из таких женщин, Беатрис Дэнэ, была состоятельной и по-настоящему пленительной дамой из Техаса. Она предлагала ему новую жизнь, а он писал ей в ответ, что благодарит за подаренные ему кино и теплый свитер, но не может принять предложенную ему дружбу, потому что есть Зельда, которую с реальностью связывает только он, Скотт. И если он оборвет эту связь, она навсегда рухнет в темную пропасть. И он перестанет считать себя достойным какой бы то ни было жизни, не то что новой, счастливой и сытой. Так что пусть лучше уж у него останется эта, в кото-

■ Счастливые семейство.

Фото "Караван"

рой беды продолжают сыпаться на него словно из ящика Пандоры: прыгая в воду, Скотт ломает ключицу и долгое время совсем не может писать; у него умирает мама; дочь не желает учиться в колледже, от души вальет дурака, а отцовские письма вскрывает с единственной целью - обнаружить внутри, между его нравовучений, чек...

Фицджеральд несколько не превеличивал - именно так все и обстояло на самом деле. Просто закончился Век джаза. Отзвучал. Умолк, осмеянный новым поколением дельцов, которые считали, что деньги нужно зарабатывать, а не тратить, и которым претило само упоминание о творившихся недавно безумствах. Америка все глубже погружалась в Великую депрессию, и аккорды веселой музыки теперь стали звучать бестактно, словно смех на похоронах. А Зельда и Скотт отдали себя другой эпохе. И когда это время ушло, им не оставалось ничего другого, как уйти вместе с ним.

Он умер в 1940 году от сердечного приступа в возрасте 44 лет над рукописью неоконченного романа "Последний магнат". Зельда пережила Скотта на 8 лет.

Подготовила
Анастасия Светлова